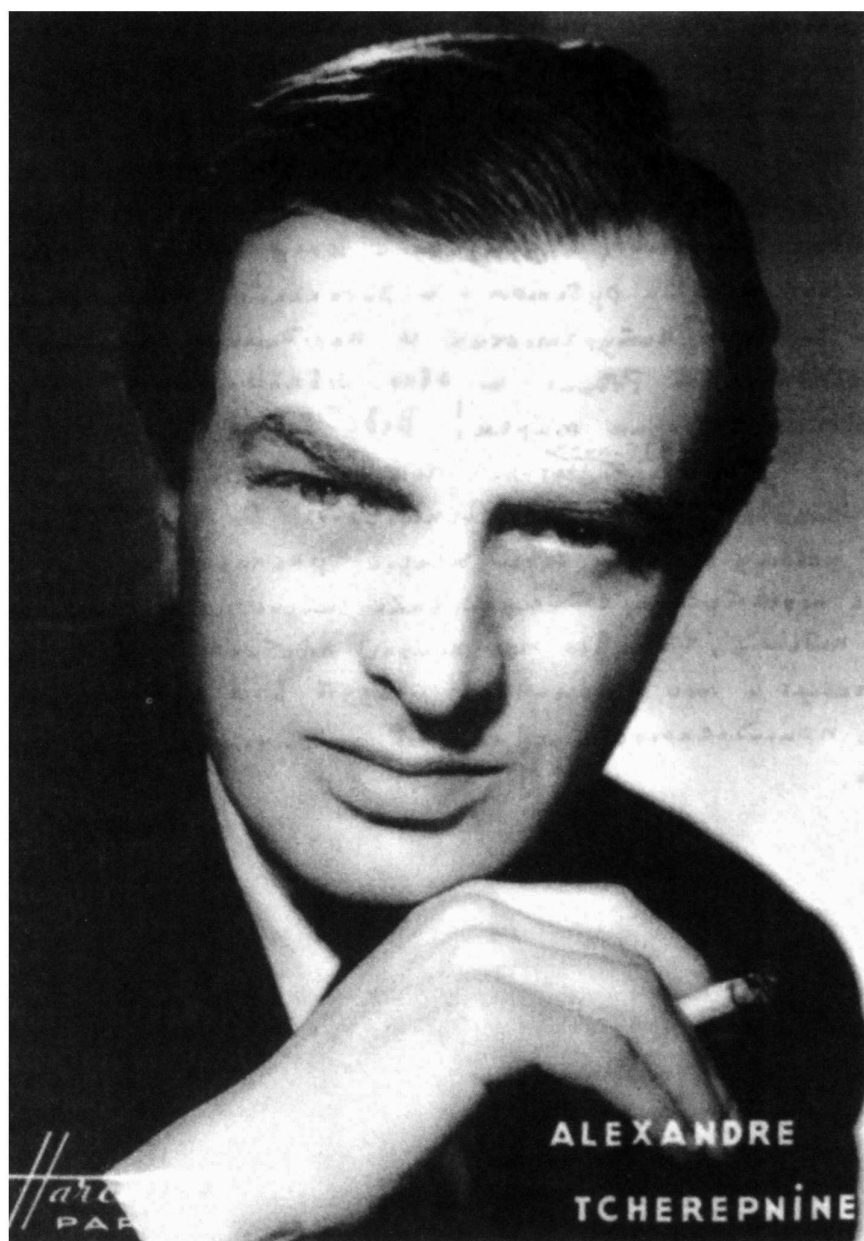

Хорошо было бы если бы был бы интерес и возможность создать и опубликовать к этому времени хотя бы краткую монографию о моей жизни и творчестве. Я бы мог представить для этого иллюстрирующие материалы, фотографии, примеры.

И было бы интересно сопоставить более 20 лет из моей жизни с историческими событиями, в частности и юности - с эволюцией жизни и творчества За рулем - и закончить примерами из хорового сочинения - литературности и карьеры - историческим после пребывания на Родине и это эволюция результатов сопоставления с режимом жизни! Ведь "дуга" моей жизни завершилась: Петрозаводск - Ленинград - Нью-Йорк - всемирный мир - Нью-Йорк - Париж - Москва - Тбилиси - Ленинград! А это "завершение" привело к новому стилю моей жизни, реализовало то, что никогда не переставало стимулировать жизнь и творчество и долго еще изнутри, что вся моя жизнь подобна роману который не визуализирует и мое творчество - возмущает в области русской музыки, принадлежности к которой я никогда не переставал существовать.

А. Черепнин. 1969

ALEXANDRE

TCHEREPNINE

Harcourt
PARIS

Государственный институт искусствознания
Министерства культуры Российской Федерации

ЛЮДМИЛА КОРАБЕЛЬНИКОВА

АЛЕКСАНДР ЧЕРЕПНИН:
ДОЛГОЕ СТРАНСТВИЕ

«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва 1999

ББК 85.313(2)
К 66

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)

проект 99-04-16207

и «Общества Черепнина», Нью-Йорк
(The Tcherepnin Society, Inc., New York)

Корабельникова Людмила

К 66 Александр Черепнин: Долгое странствие. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 288 с., ил., ноты.

ISBN 5-88766-041-4

Александр Николаевич Черепнин (1899–1977) – один из самых крупных композиторов русской эмиграции «первой волны». Это первая книга о нем на его родине. Жанр работы – документальная биография. Она почти целиком основана на неопубликованных материалах. Автор – первый исследователь, изучивший личный архив А. Н. Черепнина (Paul Sacher Stiftung, Basel), его дневники, переписку, нотные рукописи и др. Много архивных материалов удалось найти в России. Используются богатые источники периодической печати разных стран.

Творческая биография композитора, пианиста, педагога разворачивается на фоне художественной культуры Русского Зарубежья; тем самым труд является также первой книгой о русской музыке в изгнании. Центральная проблема – существование русского композитора XX века в инонациональной среде и пути сохранения национальной идентификации и самоидентификации. А. Черепнин характеризуется как продолжатель линии «Могучей кучки» в новую эпоху. Особый интерес представляют Приложения: «Краткая автобиография» (впервые на русском языке), теоретический трактат Черепнина «Основные элементы моего музыкального языка» (первая мировая публикация) и список сочинений, снабженный также дискографией. Книга содержит нотные примеры и иллюстрации.

ББК 85.313(2)

На переплете – страница автографа Concerto da camera op. 33, предоставленного издательством «Schott's Söhne». Вклейки после страницы 96 и в конце книги.

Alexander Tcherepnin: A Long Wandering, by Prof. L. Korabelnikova, D. Sc., is the first monograph on this distinguished representative of the émigré branch of Russian music to appear in Russia. As a matter of fact, it is the first large piece of research dealing with the destinies of Russian musical art in exile. The cardinal question under discussion is the problem of national identity of a Russian creative musician working on foreign soil. The author describes Alexander Tcherepnin's life and work as a composer, concert pianist and teacher in terms of chronology, geography, aesthetics, and stylistics. On the whole, the composer is portrayed as a modernist who was carrying on the line of the nineteenth-century New Russian School, also known as The Five. The monograph is a documentary biography, based primarily on archival materials (diaries, letters, autograph scores, etc.) preserved in Russia and abroad (notably, at the Paul Sacher Foundation, Basel) as well as on contemporary periodicals and other publications. The book includes numerous photographs from the archives and musical examples. Of special interest are the three translations from English appended to the monograph "A Short Autobiography", "Basic Elements of My Musical Language" (never printed before), and a complete catalogue of Alexander Tcherepnin's compositions

Людмила Зиновьевна Корабельникова

АЛЕКСАНДР ЧЕРЕПНИН: ДОЛГОЕ СТРАНСТВИЕ

Издатель А. КОШЕЛЕВ

Редактор В. А. Ерохин, художник С. Жигалкин, корректор М. Н. Григорян

Подписано в печать 10.05.99. Формат 70х100 1/16.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Школьная.

Усл. изд. л. 23,22. Заказ № 790 Тираж 2000.

Издательство «Языки русской культуры».

129345, Москва, Оборонная, 6-105; ЛР № 071304 от 03.07.96.

Тел. 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	7
Истоки	15
«На холмах Грузии...»	36
Воздух и хлеб эмиграции	65
Парижская школа. Европейская судьба	96
Все стороны света	143
В композиторской мастерской	157
Русский композитор	189
Итоги	221
 Приложение I	
А. Черепнин о себе	237
А. Черепнин. Краткая автобиография (1964)	239
 Приложение II	
А. Черепнин о своей технике композиции	250
А. Черепнин. Основные элементы моего музыкального языка	253
 Приложение III	
Музыкальное наследие А. Черепнина	278
Список сочинений А. Черепнина	279

ОТ АВТОРА

Александр Николаевич Черепнин (1899—1977) — один из крупнейших композиторов Русского Зарубежья. Однако до сих пор в отечественной литературе отсутствует не только книга, но даже серьезная аналитическая или биографическая статья о нем (единственное исключение — очерк В. М. Беляева 1925 года)...

А. Черепнин оставил огромное по объему наследие. Его балеты и оперы шли на многих сценах мира (первый балет заказала молодому композитору легендарная Анна Павлова!), его симфоническую музыку исполняли Габриэль Пьерне, Шарль Мюнш, Сергей Кусевицкий, Рафаэль Кубелик, виолончельную — Пауль Грюммер, скрипичную — Иегуди Менухин... 109 произведений и циклов, имеющих номер опуса, и ряд других вышли в двух десятках издательств разных стран. Сотни статей и рецензий об А. Черепнине и его сочинениях напечатаны во французских, немецких, австрийских, чешских, югославских, американских, китайских, японских и других газетах и журналах...

Эмигрантская, изгнанническая судьба на десятилетия закрыла его музыке — и даже его имени — путь на родину.

Сначала — и долгое время — называла я про себя эту будущую книгу «Художник на переломе эпох». На протяжении своей жизни А. Черепнин — современник более чем трех четвертей XX столетия — выступил действующим лицом музыкального авангарда 20-х — 30-х годов, но также и композитором, активно творившим вплоть до конца дней, художником, пережившим «вторую волну» авангарда — годы 50-е — 60-е. Это неизбежно чреватая драматизмом творческая судьба.

Какая эпоха была «временем Александра Черепнина»? Его молодые годы? По отношению к каждому ли композитору нашего столетия вообще можно так ставить вопрос? «Временем Рахманинова», безусловно, были первые два десятилетия века, как бы высоко ни ценить созданное позже. «Время Стравинского» — такой проблемы, кажется, нет: все

времена — его. Существует ли «время Прокофьева»? На Западе многие уверены, что да и что это первая треть столетия, — но мы, вероятно, так не думаем. А «время Шостаковича»? Он родился несколькими годами позже А. Черепнина, а умер — двумя раньше, но в общем пережил те же «времена». Вот только страна была другая, и кто знает, что и как писал бы Дмитрий Дмитриевич и чего человечество лишилось бы, если бы — тоже уехал...

XX век, как это уже понято и как об этом уже сказано, осознал себя наследником и владельцем всей музыки — всех «музык», созданных человечеством на протяжении его истории, — всех времен и континентов, но при этом написал на своем знамени: «новое». То, что впереди. Никогда еще категория «новизны» в искусстве не значила так много, никогда еще к ней не стремились столь намеренно, столь принципиально. Никогда еще под «новым» в такой степени не подразумевали средства выразительности. А. Черепнин во всех упомянутых смыслах — сын этого беспокойного века. Наследие, русское художественное в частности и особенности, для него живо, важно, драгоценно. Но он и представить себе не мог, чтобы мыслимо было писать, как прежде. Вот полный исторического драматизма текст из его дневника, запись 15 сентября 1976 года: *«Если бы Чайковский дожил до моего возраста, то было бы ему 77 лет в 1917 году, т. е. на пять лет после Pierrot Lunaire и четыре года — Весны священной и на 15 лет Pelleas, и уже 2-го фп. Концерта Прокоши... как бы он тогда мог сочинять сам, все это слышав? Остаться самим собою — повторять, переливать из пустого в порожнее?..»* (архив Н. и А. Черепниных. Фонд Пауля Захера, Базель). А. Черепнин очень любил Чайковского.

Всё же эта первая русская книга об Александре Николаевиче Черепнине имеет подзаголовок «Долгое странствие». Как уже понятно, подразумевается прежде всего странствие во времени, что относится и к взгляду на черепнинское творчество, а также и к взглядам его самого на современников, на окружающий его «мир музыки» и просто мир, — стремительно меняющийся.

Но это и движение в пространстве, предопределенное начальным этапом биографии (Петербург — Тифлис — Константинополь — Париж) и затем продолженное — в качестве композитора, пианиста, педагога — во многих странах Европы, Азии, в США; «география» часто становится причиной и следствием композиторской биографии, вплоть до особенностей музыкального мышления.

...В одном из интервью середины 70-х годов Черепнин рассказал эпизод молодости: «...гадалка посмотрела на меня и сказала: “Вы знаете, что я вижу для вас? Странствия, странствия, странствия...” Я подумал: “Глупая старуха”. Я был уверен, что всегда буду в моем родном городе, который так любил. В то время ни один человек не мог отъехать от Петербурга более чем на 20 километров... Однако мое путешествие

началось три месяца спустя и не заканчивается по сей день»¹. Это сбывшееся предсказание тоже отразилось в выборе названия книги.

Странствия сопутствовали и книге при ее подготовке. Начав на рубеже 1980-х — 90-х годов изучать — пытаться изучать! — музыкальную культуру Русского Зарубежья, я получила поддержку фонда «Культурная инициатива» (Дж. Сороса) для поездки в Париж. Изучение (в 1991 году) архива П. П. Сувчинского в Национальной библиотеке, поиски других, большей частью безвозвратно утраченных архивов, жадное чтение русскозарубежных газет и журналов, встречи с потомками музыкантов эмиграции «первой волны» (моим Вергилием часто был один из них, профессор доктор А. Лишке, которому я горячо благодарна)... Привезенные тогда издания и звукозаписи — например, полученные от А. И. Вышнеградского, сына композитора Ивана Вышнеградского, — стали основой первых исследований музыки ряда композиторов эмиграции в России.

В следующий приезд, спустя два года, состоялась встреча с сыном А. Н. Черепнина, композитором Сержем Черепниным, который не только предоставил некоторые издания сочинений А. Н. Черепнина (их в библиотеках нашей страны мало), но и сообщил, что архив семьи (пока часть его) передан в Фонд Пауля Захера — крупнейший в Европе центр музыкальной документации XX века, где уже хранился архив Игоря Стравинского и других выдающихся музыкантов современности².

Базельский архив Николая и Александра Черепниных еще не был разобран в 1995 году, когда Фонд Пауля Захера предоставил мне возможность работы над его документами в течение нескольких месяцев. Разумеется, разобрать и изучить все богатейшие материалы этого собрания в течение ограниченного времени было немыслимо, но важнейшие, основополагающие источники почерпнуты именно оттуда. Это нотные рукописи, в том числе неопубликованных сочинений, дневники, авторские комментарии по поводу техники композиции в целом и к отдельным собственным произведениям, колоссальное количество писем на всевозможных языках, в том числе написанные китайскими и японскими иероглифами, отзывы прессы и многое, многое другое. Подавляющая часть базельского архива, а именно русскоязычная, в том числе и дневники, переписка с родителями, русскими друзьями и коллегами и т. п., никогда до того не была прочитана. А. Н. Черепнин был женат на пианистке китайского происхождения Ли Сяньмин, и ни она, ни один из их трех сыновей родного языка мужа и отца не знали³. Другие части архива находились в то время в Нью-Йорке, в «Обществе Черепнина», и в Париже.

Однако откладывать — и, возможно, надолго — подготовку книги о Черепнине было просто невозможно, тем более в преддверии 100-летия со дня его рождения. Сам композитор, в последние полтора десятилетия жизни возобновивший, в новых исторических условиях, контакты с

СССР, посетивший Москву, Ленинград и Тбилиси в 1967 году с авторскими концертами, неоднократно высказывал горячую заинтересованность в появлении такой книги. По поводу приближающегося 70-летия он писал Г. М. Шнеерсону 7 марта 1968 года из Парижа: *«Хорошо было бы, если бы был интерес и возможность создать и опубликовать к этому времени хотя бы краткую монографию о моей жизни и творчестве. Я бы мог предоставить для этого исчерпывающие материалы, фотографии, примеры»*⁴. И через месяц ему же: *«Очень окрылен тем, что считаешь монографию о семье Черепниных интересной для родины [...] Матерьялов печатных за рубежом довольно много, и Вилли Рейх готовит новое, расширенное и доведенное по сей день издание моей биографии... я постараюсь исполнить мое давнишнее намерение написать пространную автобиографию, начав с жизни моего дорогого отца и кульминируя жизнью моих сыновей»*⁵. И добавляет: *«Было бы интересно сопоставить более 20-ти из моих опусов, сочиненных еще на родине, в детстве и юношестве, — с эволюцией жизни и творчества за рубежом, — и закончить примерами из хоров a cappella, литургических и народных, сочиненных после пребывания на родине и явно являющихся результатом соприкосновения с родным миром! Ведь “дуга” моей жизни завершилась: Петроград — Тбилиси — Париж — Нью-Йорк — весь мир — Нью-Йорк — Париж — Москва — Тбилиси — Ленинград! А это “завершение” привело к новому смыслу моей жизни, реализовало то, что никогда не переставало стимулировать жизнь и творчество и дало мне надежду, что вся моя жизнь, подобная роману, которого не выдумаешь, и мое творчество войдут в область русской музыки, принадлежность к которой я никогда не переставал чувствовать»* (воспроизводим эту страницу in facsimile). Книга о Черепнине за прошедшие после того тридцать лет не была создана.

Упомянутая в письме монография В. Райха вышла двумя изданиями на немецком языке и в переводе на французский⁶. Это сравнительно небольшая книга (119 страниц включают, помимо авторского текста, указатель сочинений, библиографию, 54 иллюстрации, иные на целую полосу, около 60 разного масштаба нотных примеров и схем). Особенностью книги является то, что автор, близкий друг А. Черепнина, имел возможность постоянно с ним консультироваться. Именно эта своего рода «аутентичность» (хотя в позднем дневнике герой книги отмечает ошибки) привела вдову и сподвижницу композитора Ли Сяньмин и нескольких почитателей музыки Черепнина, учеников, членов «Общества Черепнина» к решению положить книгу Райха в основу также и английской книги, сделав необходимые исправления и обогатив ее дополнительными материалами — записанными специально для будущего английского издания беседами с А. Н. Черепниным, его воспоминаниями, выдержками из интервью и т. п., текстами разных версий автобиографии, а также аналитическими очерками, посвященными важнейшим